

Таким образом, государственно-правовые проблемы современной Российской Федерации тесно связаны с потребностями оптимального восприятия ценностей Нового времени. Опираясь на институты, порожденные Новым временем, а также основываясь на нормах международного права, современной России следует интегрироваться в сообщество мировых правовых государств.

Литература

1. Блехер А.И., Любарский Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М.: Академический проект, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 608 с.
2. Историческая судьба России. К 1150-летию образования государственности в России

(862–2012 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. 342 с.

3. ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843>.

4. ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285.

5. Проект Россия. М.: Эксмо, 2007. 384 с.

6. Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. Уфа: Издательство «Башкортостан», 1999. 174 с.

7. Раянов Ф.М. Федерализм – не самоцель // Власть. 1996. № 3. С. 71–73.

8. Раянов Ф.М., Гарданов А.Ш. Размышления о государстве. Уфа, 1994. 127 с.

9. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. (Серия: Национальный интерес). М.: Алгоритм, 2002. 544 с.

Промысел как феномен сословного общества

Р. ВАХИТОВ

Рынок и раздаток и связанные с ними типы обществ. В России на всех стадиях ее исторического развития (и до революции, и в советские времена, и в современный период) господствующей и официальной формой хозяйствования был раздаток, под которым понимают государственное распределение необходимых для жизни материальных благ (феномен раздатка описан экономистом О.Э. Бессоновой [1]). Раздаток – форма хозяйствования, альтернативная рыночной экономике (термины «экономика» и «хозяйствование» я употребляю здесь как равнозначные и взаимозаменяемые, хотя чистая экономика – это удел буржуазного общества модерна; в традиционном обществе нет «гомо экономикус», который руководствуется сугубо экономическими мотивами; там мировоззрение человека целно и экономические интересы переплетены с политическими, религиозными). Если в случае рынка произведенные

блага продаются и покупаются, то в случае раздатка они сдаются государству, которое распределяет их по социальным группам в зависимости от оценки их важности с точки зрения доминирующей идеологии. То есть вместо цикла «купли-продажи» здесь реализуется цикл «сдачи-раздачи».

Примером такого нерыночного хозяйствования в чистом виде является безденежный раздаток жилья в СССР, однако раздаток может осуществляться и с использованием денег. Это все равно не будет рыночным обменом: деньги здесь не являются «всеобщим эквивалентом», то есть собственно деньгами, а выполняют роль документов, удостоверяющих социальный статус. Обладание деньгами не дает право на обладание любой вещью, потому что за деньги можно получить минимум нужных для жизни вещей в простом открытом распределителе («магазине») и нечто сверх этого – в закрытом

Вахитов Рустем Ринатович, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

распределителе для элиты. Во втором случае за те же деньги человек получает не просто больший ассортимент продукции, но и продукцию лучшего качества, которая положена социальным группам, принадлежащим к служилой элите. То есть перед нами не товарно-денежный обмен, а получение представителями нижестоящих и вышестоящих социальных страт того, что им полагается согласно их месту в социальной иерархии и важности их деятельности с точки зрения государства. «Деньги» выполняют при этом роль свидетельства о социальном статусе (в зависимости от того, прилагается ли к ним дополнительный «документ» – от служебного удостоверения до записки или звонка от «нужного человека»), а вовсе не универсального эквивалента, позволяющего выявить стоимость товара. В идеальном раздаточном обществе нет денег в собственном смысле слова, также как нет товаров, а есть ресурсы, которые нельзя продать и купить, а можно только сдать государству и получить от государства.

Распределение благ через рынок разделяет людей на классы, то есть группы, ранжируемые по уровню потребления; в результате рыночных операций одни становятся богаче, другие – беднее, соответственно возникают низший, средний и высший классы. Распределение через раздаток (не только материальных благ, но и привилегий и обязанностей) разделяет общество на сословия. Сословиями в современной социологии называют учрежденные государством группы людей, имеющие определенные права и обязанности, отраженные в законах, подзаконных актах, и традиции (феномен современных сословий описан С.Г. Кордонским [2]). Они не обязательно совпадают с архаическими сословиями, и имеющиеся у их членов привилегии не обязательно передаются по наследству. Сословия получают от государства определенные ресурсы, и они обязаны их освоить, то есть использовать в соответствии с указанной государством целью.

В классовом обществе люди живут, получая прибыль от рыночных операций. Они продают либо принадлежащие им товары, либо свою рабочую силу (и в последнем случае они получают плату за проданный труд – зара-

ботную плату). Причем это может быть труд и на частного предпринимателя, и на государство.

В сословном и раздаточном обществе люди не работают, а *служат* и получают за это *жалование*. Оно отличается от заработной платы тем, что это не оплата труда (рабочую силу здесь нельзя продать государству, потому что рабочая сила – это не собственность человека, она и так изначально принадлежит государству, которое ею распоряжается по своему усмотрению, например, посылая людей на «стройки века»). Это – обеспечение жизнедеятельности лица, служащего государству (не обязательно официально имеющего статус «госслужащего»), чтобы оно могло исполнять наложенные на него государством обязанности (при этом следует различать служение и госслужбу: служения налагаются государством на всех членов сословного общества, служба – удел членов высших сословий, хотя официально она не всегда считается госслужбой). Размер жалования зависит от важности службы, то есть от места служащего в государственной иерархии, а не от количества произведенного им труда (собственно, труда как товара, стоимость которого исчисляется для продажи на рынке, здесь, как уже говорилось, нет). Жалование может быть и не денежным, а натуральным (продукты, одежда, жилье, пользование служебным автомобилем и т.д.). В периоды, когда контроль государства над служащими ослабляется, они могут извлекать выгоду из ресурса, который им предоставляется государством для выполнения службы, например, извлекать деньги из своей должности путем сбора ренты с нижестоящих служащих. Это называется *кормлением* или нецелевым использованием госресурса и подлежит наказанию, но в немобилизационные периоды на это «закрывают глаза», потому что это позволяет экономить расходы государства на жалование; в этом случае данный феномен приобретает массовый характер.

До последнего времени при исследованиях сословного раздаточного общества наибольшее внимание уделялось именно обеспечению жизнедеятельности через разного рода кормления. В результате создавалось ошибочное впечатление, что в таком обществе человек

может жить лишь на жалование или на различные ренты, связанные с незаконным использованием государственного ресурса. Таким образом, упускалось из виду существование значимой сферы хозяйственной деятельности, где люди обеспечивают себя без помощи государства (либо с его разрешения, либо откупаясь от него, чтобы оно не вмешивалось в их деятельность, либо вообще будучи для него «невидимыми»). Эту деятельность мы предлагаем охарактеризовать как «промыслы».

Промысел. Слово «промысел» в российской экономической литературе может рассматриваться как в узком понимании – как деятельность по добыче природных ресурсов (пушной промысел, охотничий промысел, рыболовный промысел, нефтяной промысел, соляной промысел, газовый промысел), так и в широком – как деятельность по обеспечению себя и своей семьи необходимыми жизненными средствами (отхожий промысел, ткацкий промысел, кузнечный промысел) [4]. Если в первом случае подразумевается и ручной или низкомеханизированный труд, и работа на индустриальных предприятиях, то во втором случае – лишь ремесло.

Мы исходим из толкования слова «промысел» как *любой деятельности, направленной на обеспечение жизнедеятельности человека, его семьи или сообщества, в которое он входит, осуществляемой в сословном раздаточном государстве, но за сферой государственных указаний и государственного служения, и поэтому относительно автономной от государства.* Данное понимание уже имело место в исторической литературе [3], но его еще никогда не выдвигали в качестве основы концепции хозяйствования, хотя сам феномен промысла именно в этом смысле имел и до сих пор имеет самое широкое распространение в России.

В служилом сословном государстве люди обеспечивают себя либо посредством службы, получая за нее жалование, либо кормлением, либо за счет промысла. Занимаясь промыслом, человек не служит государству, не выполняет каких-либо государственных указаний, ничего не привносит в реализацию установленной государственной идеологией цели. Если при

этом его занятия промыслом не наносят ущерба служебной деятельности, то для государства они безразличны, а иногда даже полезны, поскольку позволяют не повышать жалование, а иногда и вовсе обходиться без него. Возьмем, к примеру, дореволюционных русских крепостных крестьян. Определенное количество дней в неделю они работали на барина («барщина»), обеспечивая его всем необходимым. Это была их обязанность перед государством, своеобразным «титულным служением» (хотя формально служилым сословием, то есть служащими государства, они не являлись, они обслуживали государственных служащих – помещиков, которые до Манифеста о вольности дворянства 1762 года обязаны были поступать на военную, гражданскую или придворную государственную службу). Все остальное время крестьяне обеспечивали себя сельскохозяйственным трудом на своем участке, охотой, рыбалкой, собирательством, занятиями ремеслами – и в своей деревне, и за ее пределами. Все это согласно предлагаемой терминологии – *промыслы*.

Существование такого рода промыслов в России, конечно, – не секрет для экономической и социологической науки. О них написано большое число статей и монографий. Однако до сих пор многие из них трактовались как феномены рыночной экономики. Более того, такие экономисты-диссиденты, как, например, Лев Тимофеев, считали эту внесударственную область советского хозяйства (разного рода «шабашки», артели, кооперативы, «цеха») «нормальным» рыночным противовесом «ненормальной» плановой, или, выражаясь более привычными нам терминами, раздаточной экономике (вслед за О.Э. Бессоновой мы вовсе не считаем раздаток некоей «ущербной» «ненормальной» формой хозяйствования, а рынок, напротив – «идеальной» и «нормальной»; каждая из них по-своему эффективна в определенных условиях). Они были уверены, что стоит разрушить плановую экономику и ее место займет рынок, вышедший из тени, и Россия тут же пойдет по тому же пути капиталистического развития, что и страны Запада. Однако сама историческая практика показала, что это было заблуждением, связанным с фундаментальной

ошибкой исследователей – отождествлением всех внегосударственных форм хозяйствования с рынком (пусть и особым «теневым рынком»).

То обстоятельство, что использование государственных ресурсов, сбор ренты, разного рода кормления – это не рыночная экономика, было объяснено еще в работах О.Э. Бессоновой и С.Г. Кордонского. А вот относительно промыслов такого понимания нет. Считается, что если бригада «шабашников» берет деньги за сооружение бани или репетитору платят за каждый час его работы, то перед нами рыночные транзакции. Видимо, завораживает само внешнее сходство с рыночными операциями, прежде всего – использование денег (хотя в других случаях те же исследователи понимают, что деньги в экономике раздатка не являются деньгами в западном смысле слова – всеобщим эквивалентом товаров). С этим необходимо разобраться.

К методологии исследования: идеальное сословное общество. Рассмотрим отличия промыслов от предпринимательства.

Одним из главных методов науки является идеализация. Наука не изучает реальные объекты, которые очень сложны и несовершенны. Наука изучает идеальные модели, которые отражают определенные существенные аспекты реальных явлений и объектов (в зависимости от задач исследования). Так, теоретическая механика – это наука о движении материальных точек в евклидовом пространстве, но тела не тождественны материальным точкам, а пространство нашего мира – неевклидово.

Для того, чтобы лучше понять отличия промысла от предпринимательства, бизнеса (то есть от деятельности в рамках рыночной экономики), надо рассмотреть идеальное сословное раздаточное государство, в котором все, что наличествует в обществе, начиная от природных ресурсов и кончая здоровьем, рабочей силой, временем людей, является государственной собственностью. Государство распоряжается всем и повсюду может устанавливать свой порядок. От государства ничего не может укрыться, у него ничего нельзя украсть, оно все обо всех знает. Таковы заданные нами параметры идеального сословного государства.

Промыслы в идеальном сословном обществе и предпринимательство при идеальном капитализме. Очевидно, что бизнес или предпринимательство при нормальных условиях в таком обществе невозможны. Для бизнеса необходимо существование частной собственности, защищенной законом от любых посягательств, в том числе и со стороны представителей государства, свобода от государства, открывающая возможность реализации частной инициативы, капитал или возрастающая стоимость как исходный пункт предпринимательства (предприниматель вкладывает капитал, чтобы получить прибыль) и его конечная цель (предприниматель стремится к увеличению своего капитала). Ничего этого в идеальном сословном обществе нет.

В идеальном рыночном и, тем более, капиталистическом обществе (капитализм мы рассматриваем как высшую форму рыночной экономики) государству нет и не может быть никакого дела до того, как будут выживать его подданные. Это и есть оборотная сторона пресловутой свободы гражданского общества от государства, обеспечивающей частную инициативу. Бизнесмен совершенно свободен в своих действиях, пока он не нарушает закон. Он пытается создать свое дело и получать прибыль и государство не мешает ему. Но оно в случае идеального капитализма и не будет помогать ему, даже если он разорится и будет погибать без средств к существованию. Государство здесь само по себе, граждане – сами по себе. Государство не заставляет их себе служить, но и ничем не помогает им.

Вместе с тем в идеальном сословном обществе каждый каким-либо образом служит государству (выполняет свое служение или обслуживает), помогая ему реализовывать его великую цель, указанную идеологией. Каждый принадлежит либо к высшим сословиям – служащим государства, либо к низшим – обслуживающим. Но даже представитель низших, обслуживающих сословий, которые непосредственно государственную службу не несут, а лишь обслуживают несущих госслужбу (как крепостной крестьянин, обслуживавший помещика-военного, или советский шофер служебной

«Волги», возивший секретаря райкома) вносит свою лепту в общее служение государству и его идее. И поэтому государству не все равно, выживут его подданные или нет. И если представители высших сословий – госслужащие получают за свою службу жалованье, имеют привилегии, могут де-факто «кормиться» со своих должностей, то представители низших, обслуживающих сословий таких возможностей не имеют. Жалование у них мизерное, привилегий крайне мало, ренту собирать им не с кого. Но и они нужны государству, потому что иначе некому будет обслуживать высшие сословия. Поэтому государство и предоставляет им возможность обеспечивать себя самим – при помощи промысла.

При этом промысел не вписывается в логику предпринимательства. Прежде всего, ресурс, который осваивает промысловик, принадлежит не ему, как это обстоит со средствами производства у предпринимателя, а государству и предоставлен ему на определенных условиях (частной собственности в строгом смысле слова здесь нет). Далее, целью промысловика является не увеличение прибыли и накопление капитала, а собственное выживание, а также поддержка своей семьи и общества близких людей. Именно поэтому промысловик может даже обойтись без денег, а предприниматель – нет (ведь последний должен продать товар или продукцию, чтобы получить прибыль). Промысловик может удовлетвориться натуральным продуктом или даже символическим результатом – выраженным ему уважением, если клиент – «свой человек» и деньги брать с него «неудобно». Клиент все равно расплатится, хотя бы тем, что привлечет новых клиентов, не знакомых лично промысловнику, а значит, вполне годящихся для того, чтоб брать с них деньги. То есть промысловик не обходится без денег (если только он не живет в далекой деревне, где люди обходятся натуральным хозяйством). Он тоже берет деньги за свою работу. Но деньги не являются для него мерой стоимости, как в рыночной экономике. За одну и ту же работу промысловик может получить разные суммы денег, все зависит от его личностных отношений с клиентами. Деньги

здесь – мера личностной близости, причем чем сильнее личностная близость, тем меньше денег берет промысловик с клиента. Это связано с еще одной специфической характеристикой промысла.

Промысловик стремится не к выживанию одного лишь себя, а, как уже говорилось, к выживанию того сообщества, в которое он входит, и только лишь посредством этого – к собственному выживанию. Этим он отличается от предпринимателя, который озабочен лишь собственными интересами (причем речь в случае с предпринимателем идет не о выживании (его основные жизненные потребности уже удовлетворены), а о приросте прибыли). Таким сообществом может быть клан родственников, артель, бригада, круг близких знакомых и т.д. Монтер-промысловик отремонтирует своему знакомому проводку бесплатно (или возьмет натуральный продукт – но не в оплату, а в знак уважения), но и этот знакомый ему что-нибудь сделает бесплатно. Перед нами «экономика дара», которая наличествует в сердцевине промысла, когда речь идет о взаимоотношениях внутреннего круга сообщества, где предложение денег иногда считается даже своеобразным личным оскорблением. Чем дальше мы отходим от этой сердцевины, чем слабее личностная связь между промысловиком и его клиентом, тем больше меркантилизма в их взаимодействии и тем больше заявляет о себе денежный фактор. Можно было бы предположить, что когда мы дойдем до периферии, где промысловик взаимодействует с совершенно чужими для него людьми, находящимися за границей его сообщества, то отношения приобретут, наконец, характер рыночных, товарно-денежных. Отчасти это верно, предпосылки рынка там возникают, но именно предпосылки, не способные дорасти до настоящего рыночного общества, и тем более до капитализма. В сословном обществе люди очень быстро вступают в личностные взаимоотношения. Даже делая ремонт для чужого человека, мастера могут взять с него больше, если он им не понравился и меньше – если понравился. Прямого соответствия количества труда и денег, которое имеет место в условиях рынка, во многих случаях все равно не будет.

Идеальное сословное общество, если его рассматривать именно как общество, а не как государственную иерархию (хотя общество и государство здесь едины, как две стороны монеты), устроено так, что людей здесь связывают личностные, а не функциональные взаимоотношения. Эти взаимоотношения напоминают ризому, они переплетаются в самых причудливых и неожиданных сочетаниях и тем самым покрывают все общество, разве что за исключением небольших лакун. И еще и именно поэтому бизнес здесь в естественных условиях невозможен. Одно из важнейших условий существования бизнеса – разрыв личностных связей. Люди относятся друг к другу не как к личностям, а как к социальным функциям, и их не особо заботят интересы друг друга – только тогда они смогут вступать в безличностные, конкурентные рыночные отношения («вещные отношения», как определял их К. Маркс). Именно таким является общество идеального капитализма. В России же мы имеем совершенно другое общество, где люди очень быстро обрастают личностными связями, оказываются вовлеченными в чужие интересы и поэтому вместо бизнеса здесь имеет место промысел, вместо купли-продажи – взаимное дарение, вместо свободы – взаимные интересы, а вместо власти безличного формального закона – личностная авторитарная беззаконная власть. В этом обществе человек, который продает свои услуги по фиксированной стоимости без учета того, кому он продает их – знакомому или незнакомому, «своему» или «чужому», выглядит «белой вороной» и даже изгоем и с ним просто никто не будет иметь дело. Даже на так называемых «рынках» (например, продуктовых рынках в городах) мы видим совершенно нерыночные отношения: всегда есть «свои клиенты», которые имеют скидки, которым по секрету сообщают о некачественном товаре и есть «чужаки», которых можно обмануть и тем самым возместить потери от скидок «своим». С точки зрения западных экономических теорий это рассматривается как нарушение правил рыночной торговли, но на самом деле это *норма торгового промысла*.

Промыслы в реальном сословном обществе. В реальности, как уже говорилось,

ресурс может быть украден у государства или может использоваться ресурс, неизвестный государству или неучтенный им – суть дела от этого не изменится.

Гипотетическим также является предположение, что промысловик добывает ровно столько, сколько ему и его сообществу нужно для выживания. В реальности он может добыть и выше нормы выживания. Но если промысловик успешен и начинает получать сверх этой нормы, *государство может превратить его промысел в официальное или неофициальное служение*. А.Б. Павлов приводит примеры того, что, согласно его наблюдениям, если промысловик в РФ выручает в месяц больше 200 000 рублей, то чиновниками на него возлагаются обязанности по обслуживанию «социальной ответственности бизнеса» [3]. То есть к его служениям, которые он имеет как член своего сословия, добавляется еще одно – неофициальное. Мы видим еще одно отличие промысла от бизнеса: промысловик не заинтересован в гипертрофированном развитии промысла, это грозит ему увеличением государственной нагрузки, бизнесмен – заинтересован, это – в самой природе бизнеса, ведь капитал, как показал еще Карл Маркс, стремится к бесконечному росту.

Существует мнение, что если государство ничего не знает о промысле, он развивается свободно и может превратиться в бизнес. На наш взгляд, этого все равно не произойдет, промысел не изменяет свою природу. Все наоборот, бизнес в России может существовать только локально и в искусственно созданных государством условиях. Мне представляется рациональной точка зрения А.Б. Павлова о «закрытых зонах» (начиная с особых экономических зон и кончая продуктовыми рынками, которые курируют районные администрации). Но Павлов считает, что там наличествует псевдобизнес, а мне кажется, что именно там, где искусственно создаются для этого условия, только и может существовать бизнес как таковой. Но он столь локален и разбросан по социальному пространству России, что он не создает своего собственного измерения, его мощи не хватает, чтоб в России возник капитализм как высшая

стадия рыночной экономики. Так было, есть и, полагаю, будет.

Промыслы и кормления. В сущности, выше уже было показано, что промыслы отличны не только от бизнеса, но и от кормлений (хотя и могут совмещаться с ними). Но поскольку существует недопонимание этого, об этом нужно сказать особо.

Самое главное отличие этих двух родов деятельности в сословном обществе состоит в том, что кормление – удел высших, служилых сословий, а промысел – низших, обслуживающих. Кормление есть, по сути, взимание ренты с нижестоящих сословий (чиновник «кормится» со своей должности, когда он получает деньги или натуральную продукцию, или привилегии лишь оттого, что он чиновник, так, работник ГИБДД «кормится», получая деньги от водителей). Но чтобы собирать ренту с представителей нижестоящих сословий, нужно принадлежать к вышестоящему сословию, проще говоря, быть начальником, пусть и самым мелким. Представители низших сословий, те, кто не принадлежит ни к какому начальству, такой возможности не имеют, собирать ренту им не с кого, таким образом, «кормиться» они не могут, наоборот, их функция – «кормить». Поэтому они выживают при помощи промыслов. Водитель на дороге собирать взятки с других водителей не может, и он начинает заниматься промыслом таксиста или дальнобойщика. Причем, конечно, ни один таксист не является сотрудником ГИБДД и ни один сотрудник ГИБДД – таксистом.

Второе отличие данных понятий состоит в следующем. Кормление – это самовольная «прибавка к жалованию», которая, однако, более или менее обеспечивает основные потребности госслужащего. Как бы «исследователи коррупции» ни убеждали, что чиновники берут взятки, потому что они мало получают, это не так. Промысел же – дело выживания. Представитель низших обслуживающих сословий зачастую поставлен в такие условия, что он и его семья остаются без самого необходимого, отсюда и его занятия побочным с точки зрения государственного служения делом – промыслом.

Естественно, существуют и формы синтеза промысла и кормления. Пример тому – репетиторский промысел преподавателей вузов.

С одной стороны, он включает в себя элемент взимания ренты ввиду наличия у репетитора государственного статуса – ученой степени кандидата или доктора наук, которые присваиваются у нас в России государством в лице ВАК РФ и Минобрнауки. Понятно, что обладатель такой степени сможет брать с учеников больше, даже если качество его работы не будет сильно отличаться от качества работы репетитора без степени. Перед нами явное кормление – получение дохода с нецелевого, не предусмотренного государством использования государственного статуса. Но, с другой стороны, в этой деятельности присутствует и элемент промысла. Занимаются им преподаватели низшего звена (ни деканы, ни проректоры, ни ректоры не подрабатывают, набирая себе учеников перед ЕГЭ). На это занятие их толкает нужда – жалования за исполнение официального государственного служения не хватает.

Изучение таких синтетических феноменов, как промысел, совмещенных с кормлением, а также промысла в чистом виде и есть изучение нашей российской реальности, такой, какая она есть.

Высказанные мысли представляют собой первое приближение к теме промысла (они родились на основе дискуссий, происходивших на семинаре фонда социальных исследований «Хамовники» в Костроме, весной 2016 года). Эти мысли предполагают критическое обсуждение сказанного, чтобы можно было выработать парадигму для исследования феномена промыслов.

Литература

1. Бесонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006.
2. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
3. Павлов А.Б. Демон перемен. М.: ИП Павлов А.Б., 2016.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. «Промысел» [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/984458>